

М. СКАЧКОВ

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВОЙНЕ

То специфическое положение, которое занимала Чехия до окончания войны в системе Австро-Венгерского государственного объединения, естественно отразилось и на характере чешской литературы о войне. Как известно война дала сильный толчок чешскому национальному движению, которое захватило и большую часть интеллигенции вообще и, в частности, писателей, опубликовавших еще до окончания войны декларацию о независимости Чехо-Словакии. Это движение диктовало по отношению к Австро-Венгрии пораженческую тактику, которая выливалась в форму саботажа, симуляции различных болезней (читайте Гашека!) и массового перехода чешских солдат на сторону Антанты, а затем пересло в так называемое «легионерское движение», когда из сдавшихся в плен чехословаков стали организовываться войска. В соответствии с этими историческими процессами и чешскую литературу можно разделить на два рода: литературу собственно о войне и литературу легионерскую.

Литература первого рода имеет весьма пеструю картину. Она создана, главным образом, писателями, не принимавшими участия в легионерском движении (за исключением Гашека), а иногда и в самой войне. Темы о войне затронуты ими или в связи с разработкой их общего мировоззрения, как, например, это у Майеровой в романе «Прекраснейший мир» или у Горы в романе «Голодный год», или как неизбежный тематический материал писателя, попавшего на войну (Вайнер, Франя Шрамек и др.), и, наконец, война, взятая как тема и разработанная под определенным углом зрения (Гашек, Ванчура, Крейчи, Бендарж, Бенешова и др.). Причем есть и такие писатели, у которых тема о войне встречается как бы случайно и затронута ими всего в одном или двух рассказах, как это мы видим у Чапека («Военно-полевой суд») или у Ольбраха («Неизвестный солдат»).

Если литература первого рода — литература о войне, какую она представляется чешским писателям «изнутри», то литература второго рода — это литература о войне «во вне», за границей, поскольку само легионерское движение развивалось исключительно за рубежом. Она написана писателями или бывшими легионерами, как Копта, Медек, Матейка, Кудела и др. или бывшими военнопленными, как Вайсс и Гашек, и тематически связана, главным образом, с событиями периода гражданской войны в Сибири и бытом военнопленных.

«Пораженничество», о котором говорилось выше, и антимилитаризм нашли свое яркое выражение в чешской литературе. Именно в Чехии вследствие социально-политических условий могли появиться такие романы, как «Приключение бравого солдата Швейка» — Гашека и «Поля пахоты и войны» — Ванчуры. Несмотря на большое различие между этими писателями и различие формального порядка между их романами, у них много общего по своей антимилитаристической тенденции. Как и у Гашека, главное действующее лицо в романе Ванчуры — Франтишек Ржека — человек слабоумный, страдающий идиотизмом. Но в то время как идиотизм Швейка сомнительный, идиотизм, если можно так сказать, веселый, идиотизм Ржеки — мрачный и трагический.

Найденыш Ржека — батрак, человек, «обиженный богом», «глупец, сгорбленный от тяжелой ругани и столетнего призрения», — идиот, потому что таким его сделала его судьба в капиталистическом обществе; он глупец, по-

тому что рабский труд на «полях пахоты» (которые затем превращаются в поля войны), принадлежащих барону Доновиц, убивает в человеке всякий проблеск мысли. И как Гашек показывает нам идиотизм войны, идиотизм идеологов ее и носителей, сравнивая их при столкновении с таким бравым идиотом, как Швейк, так и Ванчура пользуется типом глупца, чтобы на фактах его жизни показать еще более нелепую, глупую, идиотскую жизнь сыновей барона Дановиц (сыновей, прожигающих жизнь), трагическую абсурдность вызванных войной событий, тщету изнурительных усилий и тщету человеческого труда в капиталистическом обществе, ибо все то, что создается трудящимися, не только расточается господствующим классом, но потом и уничтожается ужасными, бессмысленными войнами.

Черные дни батрацкой жизни Ржека озаряются только пьяными вспышками. Медленно, извилистыми путями он сознает безысходность своего положения, и он задумывает убийство и ограбление шинкаря, еврея Лея. Но, будучи слишком глупым, чтобы организовать это убийство, он, под влиянием аффекта, вешает своего сонного товарища, батрака Гору. Все думают, что Гора повесился сам, и Ржеку никто не подозревает в убийстве. Разражается война. Ржека попадает на фронт не солдатом, а простым кучером вместе с мобилизованной подводой. Он работает на фронте в качестве возчика и однажды, когда его назначили в караул, над ним разрывается шрапнельный снаряд, который уродует его до неузнаваемости. Он вскоре умирает, занесенный в списки как «неизвестный солдат», потому что при нем не оказалось никаких документов.

Как «неизвестного» его останки торжественно перевозят в столицу, где при огромном стечении народа и блестящем параде войск ему отдают все воинские почести и хоронят в центре города, как героя.

Так Франтишек Ржека, батрак и убийца батрака, глупец, случайно попавший на фронт конюх, становится против своей воли героем войны. Нитью этой незатейливой фабулы Ванчура пользуется для того, чтобы показать истинную подоплеку буржуазного культа «неизвестного солдата» и для того, чтобы построить свое обвинение правящего класса не только в преступлениях войны, но и в ужасной эксплуатации поработанного класса, отдельным звеньям которого грозит вырождение. Это обвинение заключено в своеобразном реквиеме романа Ванчуры, который мы позволим себе привести полностью:

«Франтишка Ржеку проносили мимо этой массы публики... шесть солдат разного рода оружия несли его гроб на плечах, а за гробом плелась свита генералов и градоначальников...

Впереди гремели барабаны...

Войны проиграны. Ну, так влеките угровского убийцу, которого вы украли, влеките его, похитители трупов... ибо войны проиграны!

Вы научили говорить народ подлым языком. Вы растрясли копилки нищих и рассыпанные копейки старательно собрали. Но вы будете подрублены топором, который вы сами же наточили, и ваши же стрелы вонзятся в вас...

Стойте массы перед неизвестным солдатом, пусть он пройдет мимо вас, как в открытые ворота. Смейтесь над генералами и градоначальниками и плюйте туда, где ступят их ноги. Он (Ржека) был убийцей, которому все прощается, он был лезвием, которое иззубрено»...

«Время господства разбито и начинается время рабочих»...

Ванчура, как художник, примыкает к крайним литературным течениям; он несколько сложно оформляет свои произведения, которые требуют от

читателя большой квалификации. Он видит мир, как призму, и дает освещение событий и вещей всегда неожиданно и всегда гротескно. Он ведет компановку фабулы синтетично и ударно, перемежая удары отдельными искусно вставленными деталями, мелочами, за которыми всегда таится скрытый смысл и меткая характеристика большого участка повести или действующего лица. А все его страстное повествование скреплено высоким, волнующим лиризмом, сила которого так велика, что им залиты даже драматические массивы событий мировой войны.

Не без влияния именно этого романа Ванчуры и манеры его обработки темы войны написан Ярославом Беднаржем другой роман о войне «Красная земля». На примере романа Росулка «Черно-желтый карнавал», в котором нагромождены ужасы войны без достаточной художественной и психологической мотивировки, ужасы, обработанные в натуралистической манере и потому не производящие на читателя должного впечатления, чешские писатели убедились, что именно война требует от писателя высокого мастерства, искренности, тщательного социального анализа. Оставаясь все время строгим реалистом и даже документалистом, Беднарж ведет фабулу своего романа почти в форме дневника, развертывая жизнь военного госпиталя на итальянском фронте в последний год войны, когда она приняла особые судорожные формы. Беднарж, на фоне тысячи проходящих через военный госпиталь (где он работал санитаром) солдат и военных операций, на фоне мастерски зарисованных трагических сценок войны, рисует несложную фабулу борьбы двух врачей, двух типов разной идеологической формации. Один тип патриота, другой — гуманиста. Его главные герои, врач Галло и сестра Павла, хотя и победившие в себе национальные предрассудки, восстающие против национального шовинизма, являются типичными пацифистами. И все же, хотя этот роман и лишен взрывчатой начинки ванчуровских «Полей», в нем много «горького абсента войны», как говорит автор. Он, по признанию автора, написан для того, чтобы напомнить тем, что сейчас упражняется в стрельбе из пулеметов, в метании ручных гранат, о еще недавних ужасах войны.

Почти в таком же духе, — в смысле отношения к войне, — написаны книги рассказов Рихарда Вайнера («Фурия») и книга рассказов импрессиониста Франи Шрамека («Звоны»).

Отобразить войну в тылу выпало на долю других писателей. Из них упомянем Иосифа Гору и Марию Майерову. Нельзя сказать, чтобы это ими было выполнено блестяще. Роман Иосифа Горы «Голодный год», отображающий жизнь небольшого провинциального города во время войны, в котором главную роль играют сыновья рабочих, написан бледным языком. Повествование ведется вяло. Фабула шаблонна. Совершенно не показан быт рабочих на заводах и фабриках (имея в виду, что Гора, писавший в то время роман, был коммунистом), а описываемый быт взятого им рабочего ничем не характерен для рабочего. Более красочно показан и рабочий быт и жизнь города во время войны в романе Майеровой «Прекраснейший мир». Но, в сущности, жизнь тыла во время войны в тогдашней Австро-Венгрии ничем не отличается от жизни тогдашней России. Те же очереди в магазинах, та же бешеная спекуляция на предметах первой необходимости, то же стихийное размножение нуворишей-спекулянтов, те же поиски хлеба по деревням и пр.

Совсем другой характер носит легионерская литература. Участие чехословаков в нашей гражданской войне в Сибири естественно является для буржуазии большим местом в войне. Для чехословацких официальных историков не существует некоторых фактов в этой гражданской войне, а именно, массовых случаев переходов легионеров на нашу сторону, случаев отказа от

выступления против наших войск и пр. Они вообще не признают, что война и для них была гражданской.

Вот почему, на долю легионера выпала тяжелая задача — глорифицировать легионерское движение, из которого современная чешская буржуазия черпает свою идейную энергию. Эту задачу, конечно, не все писатели-легионеры хорошо выполняют. Наиболее удачно подвизается некий полковник и поэт Рудольф Медек, автор урапатриотических произведений как «Анабазас», «Львиное сердце», и драмы «Полковник Швец». Эта литература, попахивающая знакомым нам белогвардейским душком, расценивается реакционной критикой весьма высоко, а его драма имела в этом году исключительный успех у буржуазной публики. Совсем иначе подошел к своей задаче другой крупный писатель-легионер, Иосиф Копта. В его романах «Третья рота» и «Третья рота на магистрали» (а также и драме «Революция») из быта чешских легионеров чувствуется мастерство наблюдательного журналиста, который любит и ценит факты. Именно журналистическое чутье претит ему искажать действительность, а поэтому в его романах мы находим следы стихийного влияния большевизма на чехословацких легионеров.

Особняком стоит выросший сейчас писатель, бывший военнопленный, Ян Вайсс, автор книги «Барак смерти», «Зеркало, которое опаздывает» (т.е. опаздывает отражать) и «Дом в тысячу этажей». Читая его жуткие рассказы в первой книге, посвященной жизни и быту военнопленных, теперь уже не веришь описываемым в них событиям и поневоле заподозриваешь автора в утрировке, если бы не знание им русского быта и сложная, достаточно правдивая, психологическая обрисовка характеров и событий. Во всяком случае склонность автора к романтизму — большой недостаток при отражении быта военнопленных, требующего большой документальности.

Так отразилась война в чешской литературе. В настоящем обзоре мы далеко не упомянули о всех авторах, главным образом потому, что многие недавно появившиеся в связи с десятилетием книги о войне еще до нас не дошли. Таковы: пацифистский роман Крейчи «Дух и кровь», значительный роман Б. Клички «Весна поколения», роман «Удар» Бенешевой (первая часть еще незаконченной трилогии о войне). Между прочим, в чешской литературе остается неразработанной только одна тема — это участие чехословаков в рядах красной армии. За исключением некоторых рассказов Гашека («Комендант города Бугульмы», «Революционный трибунал» и др.), эта тема еще совершенно не затронута. Единственный писатель Яр. Гашек, принимавший участие в пражанской войне на нашей стороне и обещавший описать ее в продолжении своей эпопеи, которая должна была носить подзаголовок «Швейк при советах», умер, не успев выполнить своего намерения.